

15. Белков П.Л. Система экзогамии // Алгебра родства. Вып. 4. СПб., 1999. С. 73–74.
16. Кожановская И.Ж. Указ. соч. С. 169–170.
17. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 148.
18. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М.: Наука, 1986. С. 120, 124; Mead M. The Samoans // Peoples and Cultures of the Pacific. New York, 1968. P. 246–249; Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 181–182.
19. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 182–185.
20. Sahlins Marshall D. Op. cit. P. 181.
21. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 115–116; Williamson Robert W. Op. cit. P. 98–100.
22. Кожановская И.Ж. Указ. соч. С. 170.

И.К. Федорова

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИНЕЗИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАТУИРОВКИ

Татуировка в Полинезии — явление весьма сложное как с точки зрения техники, так и семантики сюжетов, понять смысл которого можно лишь рассматривая его в эволюции.

Маркизцы были одной из самых татуированных ветвей полинезийской расы. «Среди всех известных народов земли ни один не вознес искусство татуировки к столь высокому совершенству как жители Вашингтоновых островов. Правильные рисунки, которыми тела нукухивцев покрыты с головы до пят, заменяют одежду, которую под столь теплыми небесами, невозможно носить. Многие стремятся отличаться симметричностью и красотой своей татуировки, как мы элегантно манерой одеваться», — отмечал Лангсдорф.

И.Ф. Крузенштерн видел в татуировке подобие живописи и тоже считал маркизскую татуировку самой совершенной (сам он видел еще гавайскую татуировку). «Между нукагивцами находятся великие искусники в ремесле сем. Один из них, быв у нас на корабле во все время нашей здесь бытности, находил много для себя работы; потому что почти каждой из корабельных служителей приглашал его к сделанию на нем какой-либо узора по его искусству», — писал Крузенштерн.

Капитан скромно умалчивает, что не только «корабельные служители», т.е. матросы, делали татуировку на Нуку-

Хиве, но и большинство офицеров и даже он сам, о чем свидетельствует Ратманов: «Наши многия афицеры и служители зделали на руках фигурки. Капитан зделал надпись на руке: «Julie» [«Юлия»] — имя своей жены, которою он совершенно обожает. А я, — пишет Ратманов, — зделал над левой грудью полукружением, под которою находится сердце: «Je suis a vous» — [«Я — Ваш»]. Все господа чувствовали боль. Но! Я, отдав сердце тебе, мой ангел, и восхищался в отъдаленной и дикой части света, принося сию жертву тебе, дражайшей предмет, не ощущая боли и чувствуя, что под сим трепещущие сердце говорит: “Так, я действительно ей принадлежу”». Видимо, помимо родных узоров талантливые маркизские умельцы могли скопировать любую надпись, даже на французском языке.

У маркизских женщин, как отмечал Крузенштерн, «одне только руки разписаны до локтей черными и желтыми узорами, придающими вид коротких перчаток, каковыя нашивали прежде обыкновенно наши дамы».

Фигуры, которыми украшали тело, маркизцы выбирали с большой заботой, каждой части тела соответствовали свои рисунки татуировки. Они состояли из ровных концентрических овалов, вписанных в прямоугольники стилизованных изображений антропоморфных личин, животных и других объектов, имеющих отношение к быту и обычаям островитян.

Несмотря на то, что татуировка полинезийцев в период европейской колонизации Океании перестала быть «племенной меткой» и считалась лишь украшением и знаком отличия вождей и знатных островитян, ранее она была связана с их религиозно-магическими представлениями и мифологическими образами, имела важное значение для жизни рода, семьи, была своеобразным языком социума; она символизировала духов, богов, а позднее их священных животных. Изображения животных в татуировке полинезийцев эпохи разложения первобытнообщинных отношений связаны были скорее всего с представлениями о том, что инкарнирующая душа предка возвращается на землю, в мир живых, приняв зооморфный вид, и возрождается в своем потомстве.

Знаки татуировки жителей Гавайев считаются более примитивными: они воспроизводили кружки, крестики,

кокосовые пальмы, птиц (сходных с «птичьим» орнаментом самоанцев), акул, овец, коз, реже — ящериц, веера. Фигуры располагались произвольно, без симметрии на лбу, щеках, висках, на руках и ногах, тело татуировано практически не было. Кокетливые сандвичанки, правда, доходили до того, что татуировали себе язык.

Татуировка гавайцев не была сплошной и не могла служить здесь, как в других местах, в качестве костюма или указывать на ранг или происхождение. Ее искусство стало исчезать у них довольно рано, уже в конце XVIII в., т.е. вскоре после введения христианства, мореплаватели считали ее грубой и некрасивой, хотя и не совсем заслуженно. В отличие от других полинезийцев гавайские туземцы предпочитали все же прямые линии, между которыми наносились различные фигуры (людей, животных). Вожди гавайцев были мало татуированы; лицо же они, как правило, совсем не накалывали.

Вторым типом гавайской татуировки были четкие и совершенно ровные изображения в виде шахматных досок из квадратов, ромбов, треугольников, что видно на рисунке Ж. Араго. Грудь гавайского вождя покрывает совершенно правильная шахматная доска, на левом бедре — чередование треугольников (черные вершинами вверх), левую икру опоясывают по спирали ряды черных ромбов. Остальные части тела без рисунков, никаких изображений животных или птиц на теле нет.

Самые ранние рисунки с элементами маркизской и рапануйской татуировки относятся ко времени второго плавания Дж. Кука, а единственным воспроизведением полной татуировки рапануйца можно считать рисунок в цвете российского художника Л. Хориса, плававшего с Коцебу на «Рюрике». Большой интерес представляют фотография и рисунки татуировки рапануйца, встреченного на Маркизских островах, сделанные шведским исследователем Х. Столпе и прорисованными А. Метро.

В разное время в татуировке превалировали различные типы изображений. Несмотря на скудость иллюстративного материала можно проследить изменение общего характера маркизской татуировки.

Первый портрет — вождь Тахуаты Хоноо на рисунке Ходжеса: мелкие тонкие линии на лице, одна, горизонталь-

ная, пересекает нос, на лбу редкая сеточка из четырех перекрещивающихся линий и трех косых от уха к середине лба. К сожалению, татуировки тела не видно. Лицевая татуировка островитян времен первой российской кругосветки сходна с татуировкой Хоноо. В изобилии их иллюстраций явно просматривается общий стиль татуировки тела ажурными орнаментами («филейными решетками») и точками, заполняющими пространство между ними. Действительно по красоте такая татуировка могла соперничать с маорийской.

К середине XIX в. стиль маркизской татуировки довольно резко меняется. Прежде всего, она становится более грубой, ажурные ее элементы полностью исчезают, те места на животе, груди, руках, которые заполнялись аккуратными сеточками, покрываются сплошным затемнением. Исчезают криволинейные фигуры — большие овалы и концентрические круги. Поверхность кожи делится вертикальными и горизонтальными довольно широкими полосами на крупные прямоугольные участки, не заполненные рисунками, главная ось проходит через лицо и тело ровно посередине, две боковые — от плеч к коленям и щиколоткам. Темные места чередуются со светлыми, причем на верхней части лица (лоб и около глаз) — в шахматном порядке. На ногах преобладают треугольные зоны, частично занятые арабесками, меандрами, зубчатыми линиями, а также отдельными стилизованными изображениями черепов, ящериц, черепах. Рисунки заметно укрупняются и огрубляются. Совершенно отсутствует татуировка на тыльной стороне кистей рук и на подъемах ступней.

Дж. Кук и его спутник Г. Форстер, посетившие остров Пасхи в 1774 г., недвусмысленно писали, что рапануйцы сильно татуировали себе тело и особенно лицо. Мужчины были покрыты татуировкой с головы до пят; у одного из островитян татуировка на бедрах была «в клеточку» (что-то вроде «шахматной доски» гавайцев). Кук отметил, что рапануйцы разрисованы с головы до ног: на теле их красуются одни и те же бесконечно повторяющиеся фигуры. Лейтенант Лисянского Повалишин отметил только, что по лицу, носу, шее и рукам рапануйцев были проведены узенькие синие черты.

Капитан Ф. Бичи, во время своего плавания, предпринятого 50 лет спустя после посещения острова Пасхи Куком, писал: «Татуировка, или нанесение рисунка укалыванием, здесь практикуется в большей степени, чем прежде, главным образом женщинами, которые окрашивают свою кожу наподобие синих бриджей. Мужчины татуируют себе шею кривыми линиями, все лицо покрывалось иногда такими же линиями, или непрерывной растушевкой, за исключением двух широких полос на каждой стороне под прямым углом одна к другой. Другие рапануйцы имели разные знаки по всему телу, но в большинстве случаев они были ограничены небольшим пространством».

Своего расцвета татуировка на острове Пасхи достигла, видимо, в период правления сакрального верховного вождя Нгаара (ум. ок. 1862 г.). Он был не только одним из самых татуированных островитян того времени, но и главным экспертом в этом сложном искусстве. Но уже меньше чем через 20 лет капитан В. Гейзелер, оставивший довольно подробное и интересное описание жизни рапануйцев, констатирует, что обычай татуировки там уже не столь широко распространен, как отмечали мореплаватели до него. К XX в. татуировка на о-ве Пасхи практически исчезла.

Изучая ранние источники и изображения из работ мореплавателей, своими глазами видевших ранние образцы татуировки, можно представить себе путь эволюции этого искусства — изменения мастерства и вкуса татуировщиков, их умения варьировать и располагать разные узоры и элементы, сочетая татуировку и окраску цветной минеральной землей. Развитие татуировки шло скорее всего от стандартных стилизованных и геометризованных символов, связанных с древнейшей религией и мифологией полинезийцев, к реалистическим изображениям, не имеющим ничего общего с древними верованиями и религиозно-мифологическими концепциями.

Обратим внимание и на эволюцию характера татуировки. По свидетельствам ранних мореплавателей, и маркизцы, и рапануйцы были татуированы с головы до ног, гавайцы имели отдельные крупные (шахматные) узоры. На всех рисунках первой российской кругосветной экспедиции видно, что татуировка маркизцев была не просто ис-

кусной и тщательно выполненной, но главное — целостной. Все тело к 30-ти годам становилось законченным шедевром. То же можно сказать о татуировке маори и рапануйцев времен Кука. К середине XIX в. татуировка маркизцев начинает распадаться на отдельные элементы, не образующие целостной картины, и приближается по своим особенностям к гавайской и маорийской начала XIX в., где распад целостной татуировки начался раньше.

Можно связать это изменение в татуировке — важном социальном институте — с радикальными изменениями в структуре социума. Целостная татуировка соответствовала погруженности индивидуума в социум и неотделенности его индивидуального сознания от коллективного. Принадлежность к племени, роду подчеркивалась сходными или практически идентичными знаками татуировки. Распад ее на отдельные элементы совпал с постепенным вычлениением из социума индивидуумов. В период зарождения раннеклассовых отношений на острове Пасхи и Маркизских островах татуировка начинает функционировать главным образом как показатель ранга. На Нуку-Хиве отдельные знаки татуировки в начале XIX в. были символом принадлежности к определенным сообществам и становилась постепенно знаком ранга. Так, 26 человек, кормившиеся в голодное время «щедротами короля Катенуе», в том числе англичанин Робартс, все имели вытатуированный на груди прямоугольник Умаһока [марк. «сеточка на груди»], т.е. щит на груди. Кабри, принадлежавший к другому сообществу, «получил синий глаз», т.е. татуировку Mata-toi-toi (глаза с точками). «Тua heu и Кеһу, широкие полосы по груди, плечам, рукам и животу — это очень распространенный признак членства в одном из пирующих сообществ», — отмечал Лангсдорф.

Татуировка в развитых обществах Полинезии превратилась в своеобразный политический институт.

Российские мореплаватели отмечали социальную значимость татуировки если не напрямую, то через связь с богатством человека. «Король, отец его и главные жрецы отличаются тем, что разписаны темнее прочих. Все части тела их украшены сим образом. Лицо, глаза даже и те места головы, на коих острижены волосы, покрыты сею живопи-

сью», — писал Крузенштерн. «И хотя превосходство в этом украшении не является свидетельством высшего ранга, все же только люди высокого класса могут позволить себе дорогую роскошь изысканных украшений, так что фактически татуировка становится знаком различия». «Мы видели несколько стариков высшего ранга, наколотых много раз в такой степени, что линии каждой отдельной фигуры уже едва различались, и тело было черным почти как у негра. Это, согласно общему мнению, верх совершенства и красоты, вероятно потому, что стоимость такой татуировки очень велика и поэтому она служит показателем богатства человека в превосходной степени», — отмечал Лангсдорф.

Бедные островитяне, не имевшие лишних свиней, чтобы распорядиться ими для приобретения этой роскоши, живущие в основном плодами хлебного дерева, делали татуировку у новичков в этом искусстве, берущих с них очень низкую плату как с объектов для практики. Но их грубую работу видно с первого взгляда. Самый низший класс, преимущественно рыбаки, часто не могут заплатить даже ученику татуировщика и поэтому не татуированы вовсе.

В период дальнейшего разложения первобытнообщинного строя, в конце XVIII — первой половине XIX в., особую значимость (в противовес кастам и социальным группам) приобрела отдельная личность. Дальнейшее изменение татуировки — превращение ее из стройной системы в хаотический набор рисунков, не связанных между собой и не «привязанных» к определенной части тела. Татуировка становится сугубо индивидуальным украшением человека.

На изображении женщины из книги Ле Гилло (плавание Ж.С.С. Дюмон-Дюрвиля) видно, что ее татуировка была начата как системная на запястьях (татуированных первыми) и впоследствии бессистемно продолжена на предплечье изображениями рыб и морских животных.

У татуировки появляется новая функция — она становится средством индивидуализации члена социума, чем можно объяснить возникновение в рапануйской татуировке второй половины XIX в. большого числа нестандартных знаков, служивших для идентификации их владельцев. Как уже говорилось выше, наиболее употребительными нестандартными знаками в рапануйской татуировке были лодки,

церемониальные весла, птицы, в том числе петух, ящерицы, резцы, вульва, которые передавали, возможно, имена (или входили в их состав).

Подписи, поставленные вождями рапануйцев под обращением к королю Испании, представляли собой, видимо, также знаки их татуировки. На Новой Зеландии в период установления европейского господства маорийские вожди тоже подписывали документы и тексты договоров рисунками, повторявшими знаки их лицевой татуировки. В тех случаях, когда было необходимо замаскироваться, «скрыть свое имя» (например, во время войны или погребальной церемонии), полинезийцы прибегали к раскраске тела или надевали на себя маски. Отсюда и постоянное совмещение татуировки с окраской тела, отмеченное очевидцами.

В Новой Зеландии татуировка в конце XIX в. была средством узнавания индивидуума, и помимо общих для всех элементов орнаментики у каждого человека имелись собственные знаки на лице. В то же время на Самоа рисунок еще был связан с «кастами», и поэтому являлся стандартным для всех членов данной группы.

Рапануйская татуировка была и кодом для передачи той или иной информации для записи событий в жизни человека или всего общества, своеобразным «письмом», близким к пиктографии. Толчком к широкому использованию знаков татуировки в качестве мнемонического средства и к переходу от стандартных рисунков и шаблонов к реалистическим изображениям послужили в какой-то мере гибель знатоков иероглифического письма и исчезновение дощечек кохау ронгоронго.

К концу XIX в. татуировка в Полинезии или совсем исчезла, как на Гавайских островах, или быстро приходила в упадок, как на Маркизских и Новой Зеландии. Полинезийская татуировка отразила социальные изменения традиционных обществ. Утрачивая постепенно свой религиозно-социальный смысл, «системная» и целостная татуировка повсюду в Полинезии, распалась на отдельные не связанные между собой элементы, превращается в конце XIX в. в индивидуальное украшение и опознавательный знак. Развитие элементов татуировки шло от ограниченного количества стандартных знаков ко все большему их разнообра-

разию и индивидуализации мотивов. Древняя системная татуировка полинезийцев — свидетельство их представлений о незыблемом стабильном мироздании, включавшем и человека. Человек-микрокосм отражал в татуировке макрокосм. Поздняя татуировка отражает распад древних натурфилософских представлений о единстве мира и соответственно человеческого общества. Из социума выделяется индивидуум — отдельные, индивидуальные рисунки, на которые распадается целостная татуировка становятся «летописью» конкретных жизненных обстоятельств. Такая татуировка свидетельствует о победе человека над недифференцированными природой и обществом.

***

Кук Дж. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. М., 1948.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». СПб., 1809. Ч. 1.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803-1806 годах. СПб., 1812.

Ратманов М.И. Журнал <...> в путешествие Крузенштерна. Рукопись РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1146.

Форстер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986.

Barrow T. Art and life in Polynesia. London, 1972.

Langsdorff G.H. von. Voyages and travels in various parts of the world during the years 1803, 1804, 1805, 1805, and 1807. London, 1813. Т. 1.

Le Guillou E. Complément aux Souvenirs d'un aveugle. Paris, 1842.

И.К. Федорова

МАРКИЗСКАЯ СЕМЬЯ — ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИНЕЗИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Сексуальная свобода, равно как и красота маркизских женщин поражали моряков, посещавших Маркизские острова. Побывавшие в портах и притонах всего мира матросы нигде больше не встречали столь свободного и всеми одобряемого промискуитета. На Маркизских островах не суще-